

Н. Н. Серегин

**Социальная структура населения тюркской культуры
Саяно-Алтая и Центральной Азии по материалам
погребальных комплексов (историографический аспект)***

N. N. Seregin

**Social Structure of the Population of Turkic Culture
of Sayan-Altay and Central Asia on Materials of Funeral
Complexes Excavation (Historiographic Aspect)**

Представлен историографический анализ итогов исследования социальной структуры населения тюркской культуры Саяно-Алтая и Центральной Азии по материалам раскопок погребальных комплексов. Обобщение опыта отечественных ученых позволило определить основные результаты изучения особенностей устройства социума кочевников раннего Средневековья и обозначить актуальные направления дальнейших работ.

Ключевые слова: тюркская культура, социальная структура, погребальные комплексы, Саяно-Алтай, Центральная Азия, история изучения.

Реконструкция общественного устройства раннесредневековых тюрков Саяно-Алтая и Центральной Азии основывается, главным образом, на изучении письменных источников различного происхождения — китайских династийных хроник, тюркских рунических текстов, сочинений арабских и византийских историков. Рассмотрение указанных материалов позволяет сформировать наиболее общие представления о социальной структуре и организации раннесредневековых номадов, что является важным этапом в ходе проведения палеосоциальных исследований. Результаты работ в указанном направлении представлены в многочисленных статьях и монографиях отечественных востоковедов [1–3].

Вместе с тем, картина, полученная в ходе работы с письменными материалами, не может являться полной и формировать четкое представление о социальной структуре и организации раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и Центральной Азии. Данная ситуация обусловлена несколькими обстоятельствами. Прежде всего упомянем специфику письменных источников, которая достаточно подробно охарактеризована в отмеченных выше работах отечественных исследователей. Помимо особенных черт, китайские хроники и тюркские тексты имеют и общие признаки. Среди них высокая степень политизированности, а также, что особенно важно в рамках настоящего ис-

The article presents the historiographic analysis of results of the study on social structure of the population of Turkic culture in the Sayan-Altay and Central Asia on materials of excavation of funeral complexes. Generalizing the experience of domestic scientists allowed to define the main results in studying features of the nomads' society of the early Middle Ages and to designate the actual directions of further works.

Key words: Turkic culture, social structure, funeral complexes, Sayan-Altay, Central Asia, history of study.

следования, в указанных документах приведены сведения о событиях, происходивших преимущественно в центре империй номадов. Процессы, имевшие место на периферии и в более отдаленных районах, упоминаются крайне редко, а информация о них фрагментарна. Необходимо также учитывать специфику политической и этнокультурной ситуации в различных районах Саяно-Алтая и Центральной Азии, что определяет необходимость их отдельного рассмотрения. Поэтому подчеркнем, что данные, полученные при анализе письменных источников, являются лишь общей характеристикой, а их исследование представляет собой только начальный этап работы по изучению социальной истории раннесредневековых тюрков. Использование указанных материалов весьма перспективно, если основой для реконструкции выступают археологические памятники, наиболее информативными из которых являются погребальные комплексы.

Несмотря на значительный опыт интерпретации памятников номадов раннего железного века и актуальность рассмотрения с подобных же позиций объектов раннего Средневековья, представления о социальной организации тюрков Саяно-Алтая и Центральной Азии весьма ограничены. Одним из первых попытку реконструкции структуры тюркского общества на основе изучения погребальных комплексов предпринял

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрков Центральной Азии (по археологическим и письменным источникам)», № 12-31-01245а2.

С. В. Киселев [4, с. 530–544]. Материалы, использованные исследователем, были немногочисленны. Археолог учел только раскопанные на тот момент на территории Алтая погребения тюркской культуры. Однако ограниченность источниковой базы не помешала ему сделать ряд достаточно обоснованных наблюдений.

Важным представляется вывод С. В. Киселева о том, что социальная структура населения Алтая периода раннего Средневековья может быть сопоставлена с тем устройством общества, которое представлено в письменных источниках и характерно для кочевников Центральной Азии. Известные археологу погребения тюркской культуры, главным образом из его собственных раскопок, были разделены на три группы и скоррелированы с основными слоями социума кочевников [4, с. 530–544].

К первой группе курганов С. В. Киселев отнес небольшие по размерам объекты, при раскопках которых в большинстве случаев зафиксировано погребение человека с конем и стандартным сопроводительным инвентарем. Отметив скромность наборов вещей, в том числе редкость предметов роскоши и импорта, археолог обратил внимание на присутствие в могилах вооружения. По мнению исследователя, обозначенные погребения можно соотнести со свободными рядовыми кочевниками, обладавшими собственным хозяйством, имуществом и определенной самостоятельностью [4, с. 533]. При выделении второй группы объектов С. В. Киселев учитывал такие показатели обряда, как планиграфия могильников, параметры наземных сооружений, погребальный ритуал и состав сопроводительного инвентаря. По всем обозначенным признакам рассмотренные курганы были им соотнесены с зависимым населением, возможно, рабами [4, с. 535]. Об этом, по мнению археолога, свидетельствовало подчиненное расположение небольших объектов вокруг крупных насыпей, редкость сопроводительного захоронения лошадей и «бедность» наборов вещей.

С. В. Киселев обратил внимание на то, что некоторые погребения представителей низших слоев общества кочевников Алтая были впускными и совершались в наиболее «богатых» курганах. Последние памятники были объединены археологом в рамках третьей группы. «Элитные» погребения отличались размерами наземных и сложностью внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории вещей [4, с. 535]. С. В. Киселев [4, с. 544] предположил, что обозначенные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати».

Отметим, что исследователь подчеркнул культурную и хронологическую однородность рассматриваемых погребений. Таким образом, приведенные различия в обряде объяснялись исключительно прижизненным социальным и имущественным статусом умерших.

Столь подробная характеристика результатов исследования С. В. Киселева целесообразна потому, что до недавнего времени рассматриваемая работа оставалась единственным опытом комплексного анализа погребальной практики кочевников тюркской культуры для реконструкции социальной организации кочевников. Обратим внимание на то, что выделение трех групп в кочевом обществе было характерно для отечественной археологии 2-й четверти — середины XX в. [5, с. 14–15]. Работа С. В. Киселева, отражая общие тенденции развития исторической науки, являлась основой для дальнейшего, более подробного и детализированного изучения специфики устройства общества тюркской культуры Саяно-Алтая и Центральной Азии. Однако в последующие годы целенаправленных исследований в этой области не предпринималось. Только начиная с конца 1950-х — начала 1960-х гг. в специальной литературе появляются фрагментарные замечания о том, что неоднородность погребального обряда кочевников тюркской культуры может объясняться причинами не только хронологического и этнокультурного характера, но также особенностями социальной и имущественной дифференциации в обществе кочевников. Активизации научных поисков в указанном направлении в значительной степени способствовали раскопки на территории Тувы и Алтая, в ходе которых был накоплен значительный материал по периоду раннего Средневековья.

Анализ исследованных памятников позволил археологам сделать ряд наблюдений о специфике погребальных сооружений и ритуала населения тюркской культуры. В публикации, посвященной введению в научный оборот материалов одного из наиболее ярких объектов рассматриваемой общности на территории Тувы, А. Д. Грач [6, с. 34] подчеркнул, что степень «богатства» захоронения должна определяться особо для различных территорий. Исследователь обратил внимание на то, что одним из показателей в этом отношении являются параметры курганной насыпи при наибольшем значении сопроводительного инвентаря. А. А. Гаврилова [7, с. 39], рассматривая наборы вещей из различных могил, предположила, что у «кудыргинцев» традиция ношения двух поясов (для колчана и для меча) была привилегией знатных слоев общества.

Весьма последовательно была представлена точка зрения Б. Б. Овчинниковой [8], выделившей из памятников тюркской культуры Тувы особую группу могил с подбоями. Кроме нестандартного устройства погребальной камеры, исследовательница отметила «богатый» по количеству и качеству сопроводительный инвентарь. Она предположила, что подобные объекты, являясь результатом уйгурского влияния, могли сооружаться для мужчин-воинов, занимавших высокое положение в небольшой племенной группе [8, с. 65]. Обратим внимание на то, что в данном случае было

отмечено сложное влияние на погребальную обрядность этнокультурного и социального факторов.

Результаты анализа наборов вещей из памятников раннесредневековых кочевников были представлены в ряде публикаций Г. В. Длужневской [9]. Для выявления различных характеристик половозрастной дифференциации в тюркском обществе она рассмотрела погребения, раскопанные на тот момент на Алтае и в Туве. Изучение сопроводительного инвентаря позволило Г. В. Длужневской выделить несколько групп объектов, включавших стандартные наборы вещей. Одним из основных признаков стало присутствие предметов вооружения. По мнению исследовательницы, в наибольшем количестве они представлены в погребениях мужчин-воинов, отнесенных к первой группе. В двух других группах оружия было мало или оно отсутствовало. Г. В. Длужневская [9, с. 197] подчеркнула, что некоторые могилы с незначительным количеством предметов вооружения не могут быть отнесены к рядовому населению, так как содержат другие вещи. Отдельную группу вошли погребения женщин и девочек, в ряде случаев содержащих разнообразный сопроводительный инвентарь. В качестве дополнительных маркеров половозрастной дифференциации Г. В. Длужневская [9, с. 199] назвала количество стремян, а также наличие в могиле каменного ящика. Важным является заключение о неоднородности выделенных групп, что демонстрирует сложность процессов дифференциации в тюркском обществе.

Дальнейшее рассмотрение социально-диагностирующих признаков погребальной обрядности кочевников тюркской культуры также основывалось, главным образом, на анализе сопроводительного инвентаря. При этом вопросы дифференциации общества кочевников затрагивались специалистами далеко не в первую очередь. Более важными для ученых оставались проблемы хронологической и этнокультурной атрибуции предметов, реконструкция этнографического облика кочевников и др. Тем не менее в рамках традиционного вещеведческого подхода в ряде случаев были сделаны весьма ценные наблюдения.

Развернутая характеристика социальной значимости пояса в обществе раннесредневековых кочевников представлена В. Н. Добжанским [10, с. 73–80]. По мнению исследователя, престижность этой категории предметов в значительной степени определялась материалом, из которого были изготовлены бляхи-накладки и наконечники [10, с. 77]. Не менее показательными являлись особенности декоративного оформления пояса. К примеру, изображения животных на наконечниках, являвшиеся показателем определенного статуса владельца, могли быть связаны с мифологическими представлениями кочевников [10, с. 74]. Интересным является наблюдение В. Н. Добжанского [10, с. 79] о том, что в тех погребениях, где не зафиксированы поясные наборы, однако присутствует достаточно «богатый»

инвентарь, могли быть похоронены представители чиновничьей аристократии, не занимавшиеся непосредственно военным делом.

Частные замечания высказаны исследователями о престижности плетей и стежков, некоторых предметов вооружения, а также других находок [11–13].

Определенные результаты в указанном направлении в последние годы получены барнаульскими археологами, рассматривавшими различные категории вещей. Комплексный анализ украшений конского снаряжения периода раннего Средневековья, проведенный Т. Г. Горбуновой [14, с. 18], позволил сделать вывод о том, что они являлись одним из показателей социального статуса и имущественного положения человека. Отметив, что учитывались особенности погребального обряда кочевников Алтая и видовой состав инвентаря, исследовательница выделила три группы памятников, в которых зафиксированы украшения конской амуниции. Обозначенные объекты были соотнесены с такими слоями тюркского общества, как правящая и служилая знать и дружинники.

Итоги изучения военного дела средневекового населения Алтая представлены в работах В. В. Горбунова [15]. Помимо обобщения сведений письменных источников о военной организации тюрок, исследователь обозначил устойчивые наборы предметов вооружения из памятников указанного региона. В итоге было выделено семь групп объектов, сопоставленных с основными ступенями в иерархии раннесредневековых кочевников.

В рамках публикации материалов раскопок, а также анализа исследованных комплексов, археологами представлены дополнительные замечания о социальной значимости таких элементов обряда, как планиграфия некрополей, количество лошадей и их возможная замена на овцу, отдельные особенности ритуала и др. Учет этих и других характеристик позволил исследователям поставить вопрос о выделении «элитных» объектов на различных территориях [13; 16].

В целом, изучение погребальных памятников позволило выделить социально-диагностирующие признаки обряда. К ним отнесены отдельные особенности планиграфии некрополей, а также некоторые элементы погребального ритуала. Отметим важность определения маркеров среди предметов сопроводительного инвентаря. Существенным является заключение специалистов о том, что социальная дифференциация была тесным образом связана с этнической, что прежде всего отмечалось при изучении памятников Тувы и Минусинской котловины. При этом приходится констатировать, что в настоящее время в большинстве работ археологов представлены лишь отрывочные замечания, не позволяющие представить общую характеристику социальной структуры и организации раннесредневековых кочевников. Нередко различные территории распространения тюркской культуры

рассматривались отдельно, что также не способствовало формированию цельной картины развития общества кочевников.

Недостаточное внимание исследователей к изучению вопросов социальной истории тюрков на основе анализа погребальных комплексов обусловлено целым рядом обстоятельств. Важным моментом является то, что долгое время внимание специалистов было сосредоточено в большей степени на рассмотрении вопросов этнокультурной истории, определении хронологии погребальных памятников и построении периодизации развития культуры на различных территориях. Незавершенность многих положений в рамках обозначенной тематики определила приоритетность указанных направлений и отодвинула на второй план другие вопросы. К тому же долгое время важным оставалось накопление материалов и введение их в научный оборот, что, впрочем, актуально и в настоящее время.

Редкость обращения археологов к реконструкции социальной организации кочевников тюркской культу-

ры в значительной степени связана со спецификой источниковой базы. Как это ни парадоксально, негативную роль сыграло наличие письменных документов, позволявших представить основные характеристики общественного устройства раннесредневековых кочевников почти без привлечения материалов раскопок даже в исследованиях археологов [17, с. 52–55].

Обобщение опыта отечественных ученых в области реконструкции различных аспектов социальной истории раннесредневековых тюрков Саяно-Алтая и Центральной Азии позволило обозначить приоритетные направления дальнейшей работы. На этой основе, а также учитывая обширный опыт палеосоциальных реконструкций, была разработана и реализована комплексная программа исследования социальной организации кочевников, представленная в ряде публикаций [18–20]. Дальнейшая конкретизация полученных результатов позволит более детально рассматривать процессы социогенеза в обществах раннесредневековых кочевников обширного региона.

Библиографический список

1. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII вв. — М. ; Л., 1946.
2. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. — СПб., 1994.
3. Васютин С. А. Общественная система кочевников в эпоху тюркских каганатов (VI–VIII вв.) // Социогенез в Северной Азии. — Иркутск, 2005. — Ч. I.
4. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.
5. Васютин С. А., Крадин Н. Н., Тишкин А. А. Реконструкция социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. — Иркутск, 2005.
6. Грач А. Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. — 1958. — № 4.
7. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М. ; Л., 1965.
8. Овчинникова Б. Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1983.
9. Длужневская Г. В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. — 1976. — Вып. 21.
10. Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. — Новосибирск, 1990.
11. Кызласов Л. Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюна (Алтай) // КСИИМК. — 1951. — Вып. XXXVI.
12. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986.
13. Кубарев Г. В., Кубарев В. Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 4.
14. Горбунова Т. Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха раннего средневековья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2004.
15. Горбунов В. В. Военное искусство алтайских тюрков в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 2007.
16. Тетерин Ю. В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1999.
17. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — М., 1969.
18. Серегин Н. Н. Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрков Саяно-Алтая: источники, проблемы, методы // Древние культуры Евразии. — СПб., 2010.
19. Серегин Н. Н. Гендерный анализ погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2011. — Т. 10. — Вып. 7: Археология и этнография.
20. Серегин Н. Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V–XI вв. н.э.): системный анализ и социальная интерпретация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2011.